

ПУШКИНЪ ВЪ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

29-го января минуло полвѣка со дня безвременной, трагической кончины величайшаго русскаго поэта. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени въ нашей литературѣ было высказано о Пушкинѣ, именно какъ о поэтѣ, столько самыхъ разнообразныхъ сужденій, что теперь къ его характеристикѣ едва ли уже можно прибавить что-нибудь существенно новое: эстетическіе вопросы, связанные съ его дѣятельностью, болѣе или менѣе исчерпаны. Но для историка литературы, при анализѣ дѣятельности всякаго писателя, — а тѣмъ болѣе писателя первой величины, какимъ былъ Пушкинъ, — представляется, наряду съ опредѣленіемъ его художественныхъ достоинствъ, еще другая, чрезвычайно важная задача: выяснить живую связь литературнаго дѣятеля съ его современностью, съ окружавшими его людьми, съ общимъ положеніемъ литературы; опредѣлить его роль, какъ дѣятеля общественнаго; показать, какъ самъ онъ смотрѣлъ на литературу, въ чемъ видѣлъ ея обязанности, какія ставилъ ей требованія; словомъ — представить писателя не какъ отвлеченную величину, а какъ органической продуктъ даннаго общества и данной эпохи. Только такое изученіе можетъ привести къ правильному пониманію заслугъ писателя предъ его современниками и потомствомъ, къ вѣрному опредѣленію мѣста, которое долженъ онъ занимать въ исторіи литературы и общественнаго развитія своей страны. Въ этомъ именно отношеніи оцѣнка дѣятельности Пушкина представляется далеко еще не законченной и даже, можно сказать, только что начатой.

Причины такого односторонняго отношенія нашей критики къ Пушкину заключаются какъ въ общихъ условіяхъ русской литературы, такъ и въ особенной судьбѣ, выпавшей на долю произведеній поэта. Первый изъ нашихъ критиковъ, задавшійся цѣлью подробно анализировать литературную дѣятельность Пушкина, — Бѣлинскій, — не имѣлъ возможности говорить о ней иначе, какъ исключительно съ точки зрѣнія чистой поэзіи, чистаго искусства, и высказалъ даже такое мнѣніе, что Пушкинъ по самой своей натурѣ и не могъ быть ничѣмъ инымъ,

какъ великимъ мастеромъ художественнаго слова, учителемъ изящнаго. Впрочемъ, Бѣлинскій тутъ же прибавляетъ, что къ особеннымъ свойствамъ пушкинской поэзіи принадлежитъ ея способность развивать въ людяхъ не только чувство изящнаго, но и чувство *чуждости*, — разумѣя подъ этимъ словомъ безконечное уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка. „Придетъ время, говоритъ онъ, когда Пушкинъ будетъ въ Россіи поэтомъ классическимъ, по твореніямъ котораго будутъ образовываться не только эстетическое, но и *нравственное* чувство“.

Въ этихъ послѣднихъ словахъ лишь въ видѣ слабаго намека указано то высокое значеніе, какое имѣетъ Пушкинъ въ исторіи не только нашей поэзіи, но и нашего общественнаго развитія. Признаніе его воспитателемъ эстетическаго и нравственнаго (но прежде всего — эстетическаго) чувства въ русскомъ обществѣ, художественнымъ выразителемъ русскаго духа — легло въ основу дальнѣйшихъ сужденій о немъ нашей критики. Слова Бѣлинскаго сдѣлались, такъ сказать, ходячей монетой, и повторялись — съ незначительными варіаціями, всякій разъ, когда заходила рѣчь о значеніи Пушкина въ нашей литературѣ. Можно было бы указать цѣлый рядъ статей, которыя, въ сущности, представляютъ только распространеніе мыслей знаменитаго критика, и притомъ — распространеніе именно въ сторону эстетическую, между тѣмъ какъ другая сторона — нравственная и общественная — все больше и больше оставалась въ тѣни. Произведенія чистаго искусства, какъ извѣстно, могутъ быть разсматриваемы совершенно отвлеченно, внѣ всякихъ условій мѣста и времени, потому что это произведенія вѣчныя и общечеловѣческія; съ такой отвлеченной точки зрѣнія, чисто художественной и вовсе не исторической, и разсматривала дѣятельность Пушкина наша критика 50-хъ и 60-хъ годовъ. Даже писатели, безусловно и восторженно поклонявшіеся Пушкину, видѣли въ немъ только великаго художника. Такое поклоненіе поэту, какъ жрецу чистаго искусства, по справедливому замѣчанію Ап. Григорьева (Соч., I, 238), „лишаетъ поэта его великой личности, его пламенныхъ, но обманутыхъ жизнью сочувствій, его высокаго общественнаго значенія, и низводитъ его на степень кимвала звенящаго и мѣди бряцающей, громкаго и равнодушнаго эха, сладко-поющей птицы“. Сознывая всю недостаточность этого односторонняго взгляда, Ап. Григорьевъ старался его устранить и доказывалъ, что въ лицѣ Пушкина наша литература имѣетъ „перваго и полнаго представителя нашей народной фizioноміи въ мірѣ всѣхъ нашихъ сочувствій, — не только художественныхъ, но и общественныхъ, и нравственныхъ“. Развивая, и во многомъ весьма существенно дополняя, сужденія Бѣлинскаго, Ап. Григорьевъ первый категорически формулировалъ положеніе, что „всѣ истинныя, правдивыя стремленія современной нашей литературы находятся въ

духовномъ родствѣ съ пушкинскими стремленіями, отъ нихъ по прямой линіи ведутъ свое начало“. Въ этихъ словахъ прежде всего подразумѣвалось, конечно, стремленіе нашей литературы къ жизненной, реальной правдѣ и къ народности, составляющее ея основную задачу и ея могучую силу.

Но Ап. Григорьевъ не успѣлъ развить своего взгляда съ тою опредѣленностью и полнотою, какія были необходимы, чтобы упрочить его въ литературномъ сознаніи, — и его голосъ остался въ его время одинокимъ голосомъ воющаго въ пустынь. Напротивъ, передовые представители нашей критики 60-хъ годовъ все болѣе и болѣе ограничивали даже приговоръ Бѣлинскаго, и въ самомъ дѣлѣ низводили поэта на степень сладко-поющей птицы. Наболѣе умѣренные между ними признавали, что Пушкинъ усвоилъ только *форму* русской народности, *а не духъ ея*, а говоря объ общественныхъ его стремленіяхъ, договаривались до странной мысли, будто Пушкинъ совсѣмъ не понималъ насущныхъ потребностей современнаго ему общества, все больше и больше расходился съ нимъ, такъ что смерть явилась, будто бы, какъ нельзя болѣе кстати: она „избавила поэта отъ печальной необходимости видѣть себя живымъ мертвецомъ среди того самаго общества, которое еще недавно рукоплескало каждому его слову“. Другіе шли еще дальше, отрицая уже всякое значеніе Пушкина, такъ какъ область чистаго искусства, представителемъ которой онъ считался, въ настоящее время, будто бы, „не имѣетъ уже никакого жизненнаго смысла“. Самыя вдохновенныя созданія Пушкина презрительно обзывались „стишками“, побрякушками, въ которыхъ воспѣваются мелкія чувствія никуда не годныхъ шалопаевъ, и т. д.

Это безусловное, беспощадное отрицаніе поэта, доходившее даже до глумленія надъ нимъ, было — какъ ни страннымъ можетъ это показаться съ перваго взгляда — послѣдовательнымъ выводомъ изъ приговора Бѣлинскаго, послѣдовательною *reductio ad absurdum* сужденій критика, благоговѣвшаго передъ созданіями пушкинской музыки. Въ Пушкинѣ, по старой памяти, видѣли исключительно художника, совершенно чуждаго дѣйствительной жизни съ ея тревожными запросами, съ ея радостями и горемъ, — поэта-созерцателя, олимпійца, который съ заоблачныхъ высотъ своего творчества равнодушно и презрительно смотритъ на окружающую его „чернь“ и не дорожитъ народною любовью. Въ немъ не замѣчали, да, можетъ быть, и не хотѣли замѣчать другихъ сторонъ, кромѣ этой аристократической брезгливости къ толпѣ съ ея житейскими тревоженіями, кромѣ этого суроваго отталкиванія отъ себя общественныхъ вопросовъ:

Подите прочь! Какое дѣло

Поэту мирному до васъ?

Эти слова были приняты за безусловную *profession de foi*

чистаго искусства и послужили исходнымъ пунктомъ для отрицательнаго взгляда на Пушкина. Въ ту эпоху общаго напряженнаго оживленія, чисто юношескаго увлеченія насущными интересами дня, — въ эпоху, про которую сложилась знаменитая фраза: „въ настоящее время, когда“... — поэтъ, повидимому чуждый этой злобѣ дня, все поглотившей, долженъ былъ казаться отжившимъ свое время, архивнымъ. Если поэтъ отвернулся отъ общественныхъ, житейскихъ тревоженій, то и общество считаетъ себя вправѣ отвернуться отъ него, и съ своей стороны сказать ему: „Иди прочь, ты намъ не нуженъ, твоя пѣсня бесплодна, какъ вѣтеръ, — иди въ свою могилу, и чѣмъ скорѣе поростетъ она травой забвенья, вмѣстѣ со всѣмъ твоимъ временемъ, — тѣмъ лучше. Наше время рѣшаетъ основныя задачи жизни практической, — наслажденіе созданіями чистаго искусства для него не нужно, и даже вредно. Намъ нуженъ теперь иной поэтъ, который былъ бы выразителемъ нашихъ стремленій, пѣвцомъ нашихъ радостей и скорбей, — поэтъ, муза котораго была бы „музою мести и печали“... И вотъ, посреди общаго развѣнчиванья старыхъ боговъ, посреди торопливаго низверженія прежнихъ кумировъ, которымъ еще недавно всѣ поклонялись, на долю Пушкина выпадаютъ самые жестокіе удары. У него, да и вообще у всей области искусства, представителемъ котораго онъ былъ признанъ, стараются отнять всякое значеніе для современности; его имя вызываетъ даже враждебныя чувства; за нимъ не хотять признать никакихъ заслугъ, хотя бы даже чисто-литературныхъ; словомъ, Пушкинъ „упраздняется“ изъ литературы точно такъ же, какъ въ 1837 году онъ былъ „упраздненъ“ изъ жизни, — за ненадобностью. По пословицѣ: „крайности сходятся“, передовые представители нашей отрицательной критики 60-хъ годовъ могли бы подать руку тѣмъ гонителямъ поэта, которые, надъ незакрывшейся еще его могилой, не скупилась на слова отрицанія и осужденія, говоря, что „писать стихки — не значить еще проходить великое поприще“, или „много этой дряни, сочиненій-то вашего Пушкина, было напечатано при его жизни; зачѣмъ еще понадобилось отыскивать и печатать неизданное?“ (выговоры гр. С. С. Уварова и А. В. Дубельта А. А. Краевскому). Сходство характерное, хотя, разумѣется, только внѣшнее: тамъ — „въ доброе старое время“ — это было полное отрицаніе литературы вообще, какъ органа общественнаго самосознанія; здѣсь разрушительные удары критики направлялись на всю ту эпоху нашей общественной жизни, среди которой жилъ и дѣйствовалъ Пушкинъ; и въ усиленномъ отрицаніи выражалось горячее желаніе какъ можно скорѣе, окончательно и безповоротно, отрѣшиться отъ всякихъ преданій этой эпохи, навсегда уничтожить вѣчную связь современности съ тяжелымъ, недавно отжитымъ прошлымъ. Вина Пушкина заключается въ томъ, что въ той эпохѣ онъ

стоялъ въ первомъ ряду литературы, что его имя было какъ бы символомъ цѣлой полосы нашего развитія; потому-то ему и пришлось вынести наибольшее количество нападеній. Нападенія были жестоки, несправедливы, критика знала только отвлеченнаго Пушкина и не хотѣла знать реальнаго, живого литературнаго дѣятеля; но въ ея заблужденіи едва ли было что нибудь неискреннее: въ немъ выразилась только черезчуръ наивная, черезчуръ пылкая и молодая самоувѣренность, вѣра въ свѣжія силы новаго времени, которыя создадутъ для общества новую жизнь, совѣмъ несхожую съ прошлымъ; эта новая жизнь—казалось тогда—не должна имѣть съ прошлымъ ничего общаго, должна безъ оглядки и навсегда отъ него отвернуться, и отказаться—во имя будущаго—даже и отъ того, что было дорого прежнему поколѣнію...

Таково, повидимому, было основное зерно этого отрицательнаго отношенія нашей критики 60-хъ годовъ къ Пушкину. Невѣрное въ принципѣ, поддерживаемое только горячимъ увлеченіемъ молодости, отрицаніе не могло остаться въ литературѣ надолго; но брошенное имъ сѣмя сомнѣнія все-таки принесло свой плодъ. Пушкинъ былъ „оставленъ въ подозрѣніи“; къ нему обращались уже неохотно, считали его отжившимъ и въ лучшемъ случаѣ не безъ нѣкоторой снисходительности повторяли все тѣ же сужденія Бѣлинскаго, которыя (косвенно) послужили поводомъ къ нападкамъ на поэта за его будто бы исключительно-художественное міросозерцаніе...

Между тѣмъ, время шло впередъ и все болѣе и болѣе отдаляло живущее поколѣніе отъ Пушкина и его эпохи; историческое изученіе мало по малу вступило въ свои права и начинало уже настойчиво требовать пересмотра старыхъ приговоровъ. Съ другой стороны, и живая душа русскаго общества все больше и больше чувствовала потребность вернуться къ оставленному поэту, все яснѣе и яснѣе сознавала свое духовное съ нимъ родство и убѣждалась, что истинно-прекрасное никогда не находится въ противорѣчій ни съ высшимъ благомъ, ни съ высшею правдою. Россія, по прекрасному выраженію Тютчева, не забыла Пушкина, „какъ первую свою любовь“,—и пѣвецъ народной скорби, поэтъ мести и печали, на склонѣ своей литературной дѣятельности, явился чуткимъ выразителемъ этой сердечной привязанности:

Прости слѣпцамъ, художникъ вдохновенный,
 И возвратись!.. Волшебный факелъ свой,
 Погашенный рукою дерзновенной,
 Вновь засвѣти надъ гибнущей толпой!
 Вооружись небесными громами,
 Нашъ падшій духъ взнеси на высоту,
 Чтобъ человѣкъ не мертвыми очами
 Могъ созерцать добро и красоту!..

Какъ бы въ отвѣтъ на этотъ вдохновенный призывъ, мы были, наконецъ, свидѣтелями величаваго проявленія національнаго чувства къ Пушкину, какъ великому народному поэту, какъ одному изъ главныхъ представителей русской національной мысли. Открытіе памятника и незабвенные „пушкинскіе дни“ 1880 года были торжественнымъ, всенароднымъ возведеніемъ Пушкина на ту высоту, на которой онъ долженъ стоять, какъ наша національная, общерусская гордость и слава, и какъ поэтъ всемірный. Всѣ мы навсегда сохранимъ воспоминаніе объ этомъ свѣтломъ праздникѣ русской мысли, объ этомъ яркомъ свидѣтельствѣ, что наше общество высоко цѣнитъ умственные интересы и умѣетъ свято чтить память своихъ руководителей на пути къ истинѣ, добру и вѣчной красотѣ. Надолго памятнымъ останется, конечно, и все то, что было высказано тогда о значеніи Пушкина лучшими представителями нашей интеллигенціи, великими нашими учителями въ литературѣ.

Съ этого времени и въ отношеніяхъ нашей критики къ Пушкину начинается рѣшительный поворотъ. Односторонній взглядъ на поэта въ прежніе годы въ значительной степени оправдывался тѣмъ, что почва для историческаго, единственно вѣрнаго изученія Пушкина и его произведеній была еще вовсе не подготовлена, и потому критика не имѣла возможности, являющейся только въ наше время, подойти къ поэту ближе, заглянуть поглубже въ его душу, изучить его во всей полнотѣ и цѣлости его идей и созданій. *Исторія* для Пушкина и его времени еще не наступила въ ту пору; она наступаетъ только теперь, въ тремблѣ поколѣній, когда изъ напихъ дѣдовъ, сверстниковъ поэта, почти уже ни одного не осталось въ живыхъ. И на произведеніяхъ Пушкина, и на его біографіи, было начерчено много „беззаконныхъ рисунковъ“, наложено много „чуждыхъ красокъ“, которыя только въ наше время, по слову поэта, спадаютъ „ветхой чешуей“, и его величавый образъ, съ его душевными идеями и стремленіями, съ его высокими нравственными завѣтами литературѣ и обществу, среди котораго онъ жилъ, мыслилъ и страдалъ, все болѣе и болѣе выступаетъ передъ нами, уже не затемненный прежними фальшивыми представленіями. Въ настоящее время, полвѣка спустя послѣ кончины поэта, главная задача историка нашей литературы и общественной мысли заключается именно въ томъ, чтобы внимательно изучить этого *подлиннаго* Пушкина, какъ литератора въ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ выразителя общественнаго самосознанія—поскольку литература его времени могла служить органомъ для этого самосознанія. Такое изученіе покажетъ, чѣмъ былъ и чѣмъ могъ быть Пушкинъ для своего времени, и въ чемъ заключается его великое значеніе для нынѣшней литературы и общества. Историческій путь, пройденный нами за эти полвѣка, во многихъ отношеніяхъ измѣнилъ усло-

вія нашей жизни; но нельзя не сказать также, что во многихъ отношеніяхъ Пушкинъ представляется еще нашимъ современникомъ, что та эпоха, когда онъ умеръ, намъ понятнѣе, ближе, сроднѣе, чѣмъ, вѣроятно, покажется наше время нашимъ внукамъ...

Въ самомъ дѣлѣ, только ли поэта-художника, великаго, но безстрашнаго, видѣли въ Пушкинѣ люди, среди которыхъ онъ жилъ, которые, въ дни его предсмертной агоніи, съ утра до ночи огромною толпою стекались къ его дому, и чувства которыхъ, раздѣляемая всею грамотною Россіею, съ такою мощью вылились въ желѣзномъ стихѣ Лермонтова, этомъ воплѣ ужаса, скорби и негодованія? Поэта ли только видѣлъ въ немъ, съ другой стороны, тотъ немногочисленный, но сильный своимъ общественнымъ положеніемъ, кружокъ людей, которые при жизни его „такъ долго гнали его свободный, чудный даръ“, всѣми силами старались, по обычному въ то время выраженію, „убрать“ его и, наконецъ, достигнувъ своей цѣли, не перестали преслѣдовать его даже и за гробомъ? Поэзія, сама по себѣ, едва ли могла бы послужить достаточнымъ поводомъ къ такому небывалому, и поразительному для того времени, заявленію общественнаго сочувствія и, конечно, еще менѣе могла бы вызвать такое жестокое отрицаніе. Нѣтъ, въ лицѣ Пушкина одни высоко чтили, а другіе сурово преслѣдовали не только вдохновеннаго пѣвца, величайшаго изъ художниковъ родного слова, но и одного изъ тѣхъ, весьма немногочисленныхъ въ то время, представителей дружины ученыхъ и литераторовъ, которые, по его собственному выраженію, „всегда стоятъ впереди во всѣхъ набогахъ просвѣщенія, на всѣхъ приступахъ образованности, и не должны малодушно негодовать, что вѣчно имъ опредѣлено выносить первые выстрѣлы и всѣ невзгоды, всѣ опасности ремесла“ (V, 120), — благороднаго общественнаго дѣятеля и руководителя. Въ лицѣ Пушкина, въ эпоху мрачную, которую самъ онъ называлъ „жестокимъ вѣкомъ“, духъ общества открыто заявлялъ свое сознательное бытіе, свою неустрашимость и свое право на жизнь. Пушкинъ не только былъ творцомъ нашей новой литературы, но и умѣлъ пробуждать въ обществѣ добрыя чувства и стремленія къ правдѣ, свободѣ и просвѣщенію, которыя всегда были высшими его идеалами. Съ этой стороны личность и поэзія Пушкина заслуживаютъ, повторяемъ, самаго подробнаго и внимательнаго изученія, которое поможетъ намъ вѣрно понять и оцѣнить человѣка и поэта. Матеріалъ для такого изученія теперь уже на лицо, — въ собраніи сочиненій и писемъ Пушкина, которыя, наконецъ, получили возможность явиться въ свѣтъ въ настоящемъ своемъ видѣ, очищенные отъ всѣхъ постороннихъ искаженій, вольныхъ и невольныхъ.

Напомнимъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, основные факты біографіи поэта, въ связи съ его литературною дѣятельностью и развитіемъ его идей.

Въ отроческіе годы, на школьной скамьѣ, Пушкинъ, уже успѣвшій съ жадностью перечитать почти всѣхъ французскихъ поэтовъ, начиная съ Мольера и продолжая Вольтеромъ, Грессе и Парни, пробуетъ писать стихотворенія, представляющія, по содержанию своему, подражанія этимъ поэтамъ, а по формѣ—отголоски стиховъ Батюшкова, Жуковского, Державина, Дмитриева и даже Карамзина. Стихъ его мало-по-малу вырабатывается, пріобрѣтаетъ гладкость и звучность; это еще „перепѣвы“, но уже такіе, въ которыхъ иногда слышатся самостоятельныя, своеобразныя нотки; игривыя эротическія темы Парни и Батюшкова обрабатываются имъ легко и оригинально; мечтательность Жуковского и напыщенная риторика Державина передаются одинаково вѣрно и выдержанно, хотя, въ сущности, ни та, ни другая и не привлекають его сочувствій. Воспитанный въ семьѣ литературной, съ дѣтства знакомый съ Карамзинымъ и Жуковскимъ, какъ съ друзьями своего отца и поэта дяди, затѣмъ—въ Лицеѣ окруженный даровитыми товарищами, изъ которыхъ многіе также очень рано начали пробовать свои силы и въ прозѣ, и въ стихахъ, среди постоянныхъ разсужденій и споровъ о литературѣ,—молодой Пушкинъ сразу всѣми своими симпатіями становится на сторону новаго литературнаго движенія, во главѣ котораго стояли Карамзинъ и Жуковскій. Это движеніе было направлено противъ стараго классицизма, котораго рутинность и бездарное педанство успѣли уже всѣмъ надоѣсть,—но и оно само заключало въ себѣ прогрессивные элементы лишь чисто-формальнаго характера: покуда это былъ только еще споръ „о старомъ и новомъ слогѣ“; старинный узкій взглядъ на поэзію оставался еще неприкосновеннымъ; понятія о литературномъ вкусѣ все еще вырабатывались на основаніи Лагарпа и Баттѣ; даже старыя „правила стихотворства“ еще не утратили своей обязательности, хотя ихъ фальшивость уже чувствовалась: лицейскія стихотворенія Пушкина полны миеологическихъ именъ и сравненій совершенно во вкусѣ анакреонтическихъ пьесъ Державина; но въ то же время онъ уже подсмѣивается надъ похвальными одами и „бѣшенными“ трагедіями отечественныхъ риемачей. Насмѣшки надъ бездарными стихотворцами, которыхъ классическая манера окрестила Бавіями и Мевіями, надъ литературными старовѣрами, Шишковымъ и его „Бесѣдой“, и съ другой стороны—преклоненіе передъ литературнымъ авторитетомъ Карамзина и Жуковского и прямо заявленное желаніе идти по ихъ слѣдамъ,—таковы характерныя черты литературныхъ взглядовъ лицеиста-Пушкина. Въ этомъ признаніи передовыхъ дѣятелей нашей литературы того времени своими руководителями заключалось, вмѣстѣ съ тѣмъ, и признаніе впервые ими провозглашеннаго принципа литературной свободы, знамя которой было поднято извѣстнымъ „арзамасскимъ“ кружкомъ молодыхъ писателей. Будущій

литературный путь Пушкина былъ, такимъ образомъ, уже намѣченъ въ то время, когда юный поэтъ еще „безмятежно разцвѣталъ въ садахъ Лицея“.

Но кромѣ поэтовъ-руководителей, произведеніями которыхъ вдохновлялся молодой Пушкинъ, кромѣ чуткихъ и даровитыхъ товарищей, съ которыми дѣлилъ онъ свои поэтическіе досуги, кромѣ лицейскихъ преподавателей, которые умѣли зажигать благородное пламя въ сердцахъ своихъ юныхъ учениковъ, немалое вліяніе на Пушкина оказалъ и тотъ кругъ военной молодежи, съ которымъ онъ близко познакомился и сошелся въ Царскомъ Селѣ. Военное сословіе того времени, безспорно, было самымъ передовымъ въ нашемъ обществѣ того времени. Военная служба, еще недавно обязательная для всѣхъ дворянъ, считалась единственно-возможною для порядочнаго чело-вѣка, такъ что лицейскому другу Пушкина, Ив. Ив. Пущину, дѣйствительно, нужно было немало самоотверженія, чтобы отказавшись отъ мундира, занять приказную должность надворнаго судьи. Молодые гвардейцы, аристократы не только по рожденію, но и по воспитанію, выросшіе среди либеральныхъ вѣяній первыхъ лѣтъ александровскаго царствованія, затѣмъ близко и непосредственно познакомившіеся съ европейскимъ обществомъ и его идеями во время памятнаго похода Россіи въ Европу, — вернулись на родину съ готовымъ запасомъ новыхъ воззрѣній, совершенно чуждыхъ и враждебныхъ старинному складу нашего общества. То было время политическаго романтизма, юношески-пылкихъ, но смутныхъ и черезчуръ отвлеченныхъ мечтаній о всеобщей свободѣ и братствѣ народовъ, когда низверженіе наполеоновской тиранніи казалось только прологомъ къ окончательному разрушенію средневѣковыхъ традицій въ политической жизни европейскаго общества. Друзья Пушкина, царскосельскіе лейбъ-гусары, также съ увлеченіемъ предавались этимъ вольнолюбивымъ мечтамъ и надеждамъ, и бесѣды съ ними оставили глубокій слѣдъ въ восприимчивой душѣ молодого поэта. Въ числѣ этихъ офицеровъ находился одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, П. Я. Чаадаевъ, къ которому Пушкинъ навсегда сохранилъ дружеское чувство и искреннее уваженіе, какъ къ своему „учителю“. Чаадаевъ былъ всего на три года старше Пушкина; но его блестящій умъ, обширная начитанность, ѣдкое, парадоксальное остроуміе, не могли не дѣйствовать на его младшаго друга обаятельнымъ и подчиняющимъ образомъ. Въ политическомъ воспитаніи Пушкина ему, конечно, принадлежитъ видная роль. Юношеская вѣра въ возможность осуществленія свободныхъ идеаловъ на русской почвѣ была темою безконечныхъ бесѣдъ объ этомъ предметѣ среди людей, осужденныхъ тогдашнимъ строемъ русскаго общества на бесплодную праздность,

людей, которые, получивъ возможность общественной дѣятельности, дѣйствительно, могли бы проявить богатые умственные и нравственные силы. Чаадаевъ, который, по выраженію Пушкина, „въ Римѣ былъ бы Брутъ, въ Афинахъ—Периклесъ“, въ тогдашней Россіи долженъ былъ оставаться только гусарскимъ офицеромъ; геттингенскій студентъ Каверинъ, который, подобно Ленскому, также „изъ Германіи туманной привезъ вольнолюбныя мечты“, — тратилъ свои силы на гомерическіе кутежи; другіе, болѣе энергичные люди, вродѣ М. Ѳ. Орлова, Никиты Муравьева, Н. Тургенева, пытались поставить политическіе и общественные вопросы на практическую почву и уже задумывали „Союзъ Благоденствія“. Между тѣмъ, новое время становилось все менѣе и менѣе похожимъ на недавнее прошлое. „Дней Александровыхъ прекрасное начало“ быстро приближалось къ концу; вопреки убѣжденію поэта, что „на поприщѣ ума нельзя намъ отступать“, — мы усленно отступали, и изъ вѣка свободы и просвѣщенія готовы уже были переселиться въ средніе вѣка. Принципы „Священнаго Союза“, послужившіе фундаментомъ для общей европейской реакціи, получали уже широкое примѣненіе и на русской почвѣ; вліяніе ханжей и обскурантовъ усиливалось, Аракчеевъ стоялъ уже очень высоко... Въ такую-то пору Пушкинъ, 18-ти лѣтнимъ юношей, вышелъ изъ стѣнъ Лицея. Въ обществѣ онъ сразу занялъ мѣсто въ кругу тогдашней „золотой молодежи“, которая единственною цѣлью жизни ставила безпашное ея прожиганіе. Разсѣянная свѣтская жизнь, такъ живо описанная въ I-й главѣ „Онѣгина“, холостыя пирушки, театральныя походы, дружескій кружокъ „Зеленой Лампы“, съ его вычурными затѣями по части веселаго препровожденія времени, — все это поглотило значительную часть первыхъ трехъ лѣтъ петербургской жизни поэта. Но, несмотря на такую обстановку, талантъ его росъ и развивался, быстро освобождаясь отъ постороннихъ вліяній, и приводя въ изумленіе прежнихъ его руководителей. „Стихи чертенка-племянника чудесно-хороши, писалъ въ 1818 году кн. Вяземскій къ Жуковскому. Этотъ бѣшеный сорванецъ насъ всѣхъ заѣстъ, насъ и отцовъ напихъ“ (I, 194). Безъ преувеличенія можно сказать, что пушкинскіе стихи, появляясь въ журналахъ того времени, — въ этихъ топкихъ книжечкахъ, напоминающихъ ученическія тетрадки, — одни давали имъ гораздо больше содержанія, чѣмъ всѣ остальные статьи, едва ли кѣмъ и читавшіяся. вмѣстѣ съ тѣмъ, Пушкинъ былъ близокъ и къ „обществу умныхъ“ или, какъ онъ называлъ, „молодыхъ яковинцевъ“, — будущихъ декабристовъ, и сохранялъ прежнюю тѣсную связь съ Жуковскимъ и Карамзинымъ, какъ своими литературными руководителями. Среди эротическихъ стихотвореній этой эпохи поражаютъ изяществомъ мысли и формы поэтическія обращенія къ Жуковскому, этому „глубоко вдохновенному пѣвцу всего прекраснаго“; наряду съ

ними стоитъ знаменитое стихотвореніе „Деревня“, въ которомъ такъ ярко выразился благородный образъ мыслей поэта и его политическій идеаль:

Увижу ль я, друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по малію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли, наконецъ, прекрасная заря?

Въ этихъ словахъ заключается, можно сказать, программа, которой Пушкинъ не измѣнялъ во всю свою жизнь: уничтоженіе крѣпостного рабства царскою властью и установленіе тою же властью гражданской свободы, основанной на просвѣщеніи. Прочитавъ эти стихи, императоръ Александръ сказалъ: „Поблагодарите Пушкина за *добрыя чувства*, внушаемыя его поэзіей“ (I, 306),— слова, о которыхъ поэтъ вспомнилъ семнадцать лѣтъ спустя, говоря о своихъ заслугахъ передъ родиной:

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что *чувства добрыя* я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

„Вольнолюбныя“ мечты и надежды, вмѣстѣ съ вѣрою въ лучшее будущее, жили въ душѣ поэта и разгорались тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе сгущался мракъ, нависшій надъ умственной жизнью русскаго общества. Въ 1818 г. онъ писалъ Чаадаеву (I, 190):

Мы ждемъ, съ волненьемъ упованья,
Минуты вольности святой,
Какъ ждетъ любовникъ молодой
Минуты сладкаго свиданья...

а въ 1820 г., въ то самое время, когда Магницкій, Руничъ и ихъ достойные сотрудники уже совсѣмъ приготовились погасить русское просвѣщеніе и настойчиво совѣтовали такъ „оградить Россію отъ Европы, чтобы и слухъ происходящихъ тамъ неистовствъ не достигалъ до нея“,—изъ-подъ пера Пушкина выливается восторженный и смѣлый гимнъ свободѣ. Въ эпоху общей реакціи, которая особенно тяжело отозвалась у насъ, въ такую эпоху, когда поэтъ повсюду видитъ „бичи и желѣзы, законовъ гибельный позоръ, неволи немощныя слезы“,— онъ смѣло возвышаетъ голосъ въ защиту законности (I, 220):

Лишь тамъ
Не слышится людей стенанье,
Гдѣ крѣпко съ вольностью святой
Законовъ мощныхъ сочетанье,
Гдѣ всѣмъ простерты ихъ крѣпкій щитъ...

Онъ не лукавитъ самъ съ собою, и не боится бросать убійственныя эпиграммы въ лицо властнаго временщика и ханжей—

гасильниковъ просвѣщенія. Извѣстно, что эти эпиграммы и вольнолюбивыя стихотворенія Пушкина, столь же рѣзко противорѣчившія тогдашнему настроенію, сколько они были согласны съ идеалами первыхъ лѣтъ александровскаго царствованія, навлекли на него тяжелую кару. О немъ стали говорить, будто онъ „наводнилъ всю Россію возмутительными стихами“, и ему уже грозила ссылка въ Сибирь, или даже заточеніе въ Соловецкомъ монастырѣ, отъ котораго онъ былъ спасенъ только хлопотами Чаадаева и заступничествомъ Карамзина и благороднаго графа Каподистрії. Карамзинъ, говоря его собственными словами, „спасъ несчастнаго, обреченнаго року и Немезидамъ“, — и грозившее поэту наказаніе было замѣнено ссылкой въ далекій, дикій Кяхиневъ.

Такъ закончился первый періодъ жизни и дѣятельности Пушкина.

П. О. Морозовъ.

(Продолженіе будетъ).
